

Из книги Робин Нилланс. Генералы Великой войны. Западный фронт 1914 — 1918. М., Астрель—АСТ, 2005. Глава 23 «Приговор генералам». Стр. 865—895.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ПРИГОВОР ГЕНЕРАЛАМ

Мое исследование убедило меня, что между 1914 и 1918 годами Англия боролась только из необходимости, чтобы нанести поражение агрессивной, экспансионистской милитаристской власти.
Доктор Гэри Шеффилд, отдел военных исследований Королевской военной академии в Сандхэрсте

Великая война не закончилась 11 ноября 1918 года. Это был лишь первый день перемирия, день, когда прекратили стрелять. Но прошло еще 8 месяцев, прежде чем главные действующие лица, собравшись в Зеркальном зале Версальского дворца, подписали печально известный договор, который, хотя и принес краткий мир Западной Европе, привел ко Второй мировой войне - что, в свою очередь, изменило название "Великой войны" на "Первую мировую войну". Победа союзников праздновалась в Лондоне 19 июля 1919 года, когда войска прошли через город к Букингемскому дворцу, где их приветствовал король Георг V. К тому времени большинство солдат, которые принимали участие в войне и остались в живых, были демобилизованы.

События, которые происходили в Западной Европе после Версальского мира, были знаменательны: взлет и падение Веймарской республики, рост нацизма, кризис, вызванный крахом на Уолл-стрит в США, депрессия 1930-х годов, развитие в послевоенной Германии странного убеждения, что ее армия не была побеждена на поле боя, а "получила удар в спину" от политических деятелей и гражданского населения, особенно евреев, немецкое перевооружение. Эти и другие вопросы, подобно появлению Адольфа Гитлера, возвышение диктаторов - Муссолини, Гитлера, Франко - и начало гражданской войны в Испании важны для изучения межвоенного периода. Большинство этих событий было вызвано именно Великой войной, но на них здесь мы останавливаться не будем. Цель данной книги состоит в том, чтобы исследовать множество обвинений, выдвинутых против некоторых генералов, которые сражались на Западном фронте во время Великой войны. Война закончилась, и теперь надо подвести итог.

Массовое осуждение всего генералитета легко опровергается. Даже наиболее пылкий современный хулиган британских командиров понимает, что одни были лучше, чем другие. Бинг, Плюмер, Роулинсон (по крайней мере в его "реинкарнации" 1918 года), генералы доминионов подобно Монашу и Карри, иностранные генералы подобно Фошу, Жоффру и Людендорфу, избежали обвинений в некомпетентности - основной упор был сделан в этом отношении на британских генералов, и особенно фельдмаршала Хейга. Здесь мы рассмотрим доводы, выдвигаемые против сэра Дугласа Хейга.

На основе свидетельств, представленных выше, конечно, невозможно для любого разумного, справедливого человека обвинять весь британский генералитет, что он виноват в трагических потерях на Западном фронте или что любой генерал может отвечать за специфические бедствия любого сражения... Нельзя говорить также, что хотя бы часть генералов виновата. Конечно, были ошибки, и целое поколение историков, обладавшее драгоценным даром непредусмотрительности, с ликованием указывает на них.

Ошибки, однако, - не повод обвинять генералов. Утверждения некоторых историков и публицистов в Великобритании и некоторых странах Британской империи, что генералы - кроме ряда исключений, помеченных выше, хотя и они также иногда включаются - были бесполезны и полностью ответственны за потери на Западном фронте, беспочвенные. Так как нет никаких свидетельств того, чтобы поддержать это тяжелое обвинение, приговор, конечно, должен быть "не виновен".

И все же проблема с вынесением такого вердикта состоит в том, что в то время как человек может быть оправдан на основе свидетельств, он может выйти из здания суда и обнаружить, что большинство людей продолжают оставаться убежденными в его виновности. В таких случаях он мог самое лучшее услышать за спиной бормотание шотландского приговора "не доказано". Так что утверждение относительно того, что генералы Великой войны были некомпетентны, стало мифом, в который люди верят безоговорочно или исходя из постулата, "почему это так принято". Поэтому необходимо сделать короткое резюме из свидетельств и ознакомить читателя с доводами, почему весь генералитет не может был виновным.

Перед британским Кабинетом в 1914 году существовало только два пути: или увеличивать армию до размеров, достаточных для осуществления крупномасштабных операций на континенте, или прерывать переговоры с Францией и объявить, что Англия не примет участие в такой войне вообще. В данном случае Англия выбрала третий путь и направила во Францию маленький и ущербный БЭС, экипированный для стремительно нарастающей большой войны. Впереди у ее генералов было три года агонии до того, как британские армии были нормально экипированы, снабжены обученными солдатами и способны принять надлежащее участие в войне.

Имелось множество свидетельств до 1914 года о том, что близится большая континентальная война, но сменявшие один другого кабинеты игнорировали это. И британская общественность не была заинтересована в подготовке к войне. Френч и Хейг посетили маневры немецкой армии, а вся Европа слышала угрозы кайзера. Генри Вильсон был в постоянном контакте с Фошем и разрабатывал планы участия британских войск в будущей войне - затем были переговоры между французским и британским Генштабами. К 1914 году британское правительство знало, что происходило в континентальной Европе, и не сумело предпринять адекватные действия. Англичане всегда не готовы к войне, как было доказано событиями на Фолклендских островах, и имеют тенденцию доверять своей регулярной армии. Это тяжелое бремя для военных, но это цена, которая должна быть оплачена - и, возможно, хорошо оплачена - за проживание в демократической, либеральной и вообще неплохой стране.

Великая война отличалась от всех предыдущих. Это была первая по-настоящему технологическая война, во время которой появились многие новшества: танки, субмарины, самолеты, артиллерия огромной мощности, автоматическое оружие большой надежности и очень высокой скорострельности. И все же, хотя это была технологическая война, некоторые элементы технологии пропускались, особенно надежные средства связи на поле битвы.

Это также была война, опыта ведения которой генералы - особенно британские, чей опыт базировался на англо-бурской войне, - не имели. И характер, и способы ведения военных действий Великой войны фактически уже были опробованы во время русско-японской войны 1904–1905 годов: и тяжелая артиллерия, и пулеметы, и эшелонированная оборона. Британское правительство пренебрегло всем этим - но это не было ошибкой генералов.

Основные сражения и операции Великой войны на Западном фронте уже рассматривались в этой книге, но, может, все же стоит еще раз остановиться на том, что заставило события развиваться именно так, как это было. Когда генералы рассматриваются в контексте времени, когда полная ситуация понята, их действия легче понять, и их проблемы могут даже вызвать сочувствие.

1. Когда в 1914 году вспыхнула Великая война, вся Западная Европа оказалась застигнутой врасплох. Даже те нации, которые готовились к войне, были удивлены непредсказуемостью, с которой эта война началась, и скорости, с которой она распространилась. Ни одна нация не ожидала, что война будет длиться так долго или выльется в такую кровавую бойню. Ни одна нация не была больше удивлена, чем английская, полностью не подготовленная для какой-либо войны. Имеется некоторая вина, которая будет рассмотрена здесь, но она не может быть справедливо возложена только на генералов. Британское правительство разрешило высшему офицерскому составу быть снисходительными в "разговорах" с французским Генеральным штабом и составлять планы-схемы отправки БЭС, но британская армия осталась маленькой и не справлялась даже со своими "имперскими" обязанностями. Континентальные армии могли собрать миллионы; мощь же полностью укомплектованной британской армии в 1914 году равнялась 247 500 человекам.

Начиная по крайней мере с 1906 года, когда генерал фон Шлиффен закончил наводить глянец на свой известный план, то, что происходило на континенте, должно было быть очевидным. Почему еще Франция имела большую армию и трехлетнюю воинскую повинность, если не для войны... или для реванша за потерю Эльзаса и Лотарингии, что опять же означало войну?

Германия имела еще большую армию, составляющую 1 процент от ее населения, - более 600 000 человек могло быть выставлено в любой момент даже в мирное время, так же как и возрастающее число резервистов и большое число современных артиллерийских орудий - для какой цели, если не для войны? Германия строила военные корабли, расширяла и углубляла Кильский канал единственно для того, чтобы доминировать над океанами и таким образом оспорить превосходство флота Его Величества. Из всех наций Европы, однако, именно Германия должна была избегать войны, как указывает маршал Фош в своих мемуарах:

"Германия 1914 года никогда не обратилась бы к войне, если бы она должным образом оценила свои собственные интересы. Обращение к оружию не было необходимо. Она должна была только

продолжать экономическое развитие, которое уже проникало в каждую страну мира. Кто смел бы выступать против нее?.. Ее торговля и коммерция продвигалась с устойчивым успехом, который оставил другие нации позади. Не было никакой потребности для Германии, чтобы обратиться к войне и завоевать мир".

Здравый смысл мог бы предохранить Германию от войны, но это качество не очень распространено, особенно в деспотичных государствах, где у власти стоит военная каста - как и было в кайзеровской Германии перед 1914 годом. Германия вступила в войну, потому что ее лидеры рассматривали неприятности на Балканах не как семена трагедии, а как возможность, шанс разбить своих врагов во Франции и России и выйти из их "окружения".

Исходя из этих посылов Англия подготовила БЭС только из шести дивизий пехоты и единственной дивизии кавалерии, а также различных служб поддержки - всего приблизительно 160 000 человек - и не имела никаких планов ввести воинскую повинность. Британское правительство не дало никаких политических обязательств на случай войны в Европе, и общество до 1914 года в любом случае не поддержало бы такие обязательства. В результате ресурсы на развитие подходящей армии брошены не были, и вина за это - если она есть - ложится на политиков того времени и, поскольку Англия - демократическая страна, на британский электорат. Конечно, это не было ошибкой генералов. Британцы - не воинственная нация, но цена плохой подготовки к войне была оплачена в 1914 году - и снова в 1940 - солдатами Великобритании и доминионов.

2. Многое из трагедии Великой войны шло от недостатка подготовки. Если Англия вообще должна была вступать в войну, то страна - и особенно армия - должны были быть готовы к этому. Имелся Устав, в котором в мельчайших деталях излагались способы ведения войны, но британская армия, посланная во Францию, была маленькой и плохо представляла особенности континентальной войны, особенно с применением тяжелой артиллерии. Поскольку армия была маленькая, то и британская военная промышленность была маленькой настолько, что, когда возникла необходимость увеличить производство военной продукции для континентальной войны, выяснилось, что ее просто не существует. Оружие не могло быть разработано, проверено и изготовлено, и заводы боеприпасов не могли быть построены слишком быстро, а тем фабрикам, которые уже существовали, мешали быстро увеличивать производство профсоюзы. Необходимо было время, чтобы построить большое количество заводов, заключить контракты, освоить новые технологии, спроектировать и установить новые станки, обучить рабочих, протестировать оружие и создать адекватные запасы оружия и снарядов. А пока войну нужно было вести теми средствами и теми солдатами, что были в наличии. Это также не было ошибкой генералов. Возможно, подо всем этим общественным осуждением, которое падало на генералов, скрывается тайный смысл национальной вины за судьбу этих солдат, которые были принесены в жертву ради того, чтобы довоенное поколение могло платить низкие налоги.

3. Укрепление линии фронта также не было единственной проблемой. В течение 1914–1916 годов британская армия быстро росла, сотни тысяч граждан стекались к призывным пунктам в Англии и по всей империи. Этим новобранцев нужно было одеть, экипировать, вооружить и обучить - несмотря на это, не было ни инструкторов, ни оружия, ни обмундирования. Это также не ошибка генералов; не было известно о масштабе войны, в которую ввязалась нация и правительство, и средств, чтобы справиться с текущими требованиями, не существовало, и они не могли быть быстро найдены.

4. Для обучения личного состава - рядовых солдат - требовались месяцы, еще больше времени надо было для того, чтобы подготовить и дать возможность приобрести необходимый опыт сержантам, офицерам, и прежде всего штабным офицерам. В вооруженных силах, которые всего за два года увеличились с маленького экспедиционного корпуса до пяти полноценных армий, времени, чтобы получить этот опыт, не было. И это не было ошибкой генералов.

5. Великая война была войной техники, преимущественно наземной войной с использованием мощных вооружений, артиллерии, пулеметов, самолетов и танков. Все это полностью изменило характер войны, и генералы были вынуждены вести военные действия, не похожие ни по тактике, ни по стратегии, ни по масштабу на все то, что было до этого. Однако - и это необходимо постоянно подчеркивать, поскольку это очень важно, - некоторые из средств, особенно средства коммуникации на поле битвы, не использовались должным образом в 1914–1918 годах. Успешное использование радиокommunikаций могло бы повлиять на результат многих сражений. Отсутствие надежных коммуникаций на поле битвы - что также не является ошибкой генералов - было главным фактором тактических провалов.

6. От обоих британских главнокомандующих - фельдмаршала сэра Джона Френча и фельдмаршала сэра Дугласа Хейга - британский кабинет требовал тесного сотрудничества с французами. В результате их действия, конечно, до лета 1917 года - почти три года из четырех военных лет - сдерживались необходимостью помогать союзнику. Жизненно важные для любого генерала вопросы - такие как время, местоположение и продолжительность боевых действий - неоднократно приводились в соответствие с пожеланиями французов и зависели от планов союзника. Результаты этого сотрудничества - и его недостатки - можно проследить во время сражений при Неф-Шапелле, "втором Ипре", на Сомме и в полдюжине других битв на Западном фронте.

Поскольку БЭС были небольшими по размерам, зависели от французских тыловых служб и сражались на французской земле, это было отчасти неизбежно, по крайней мере до сражения на Сомме. Но французские командующие не всегда были великими генералами, как они сами полагали, и редко оказывали своим британским союзникам адекватную поддержку. Большие потери англичан обусловлены той инструкцией британского правительства.

7. Политические решения стратегических вопросов были также запрещены генералам. Попытка закрепиться на Ипре (исходя из эмоциональной и политической необходимости) в тот момент, когда Салье был незащищен или мог быть защищен только высокой ценой, как во время 1-го и 2-го Ипрских сражений, было другой причиной поражения. Потери при Неф-Шапелле были обусловлены желанием продемонстрировать французам исполнение англичанами своих обязательств. То же относится и к сражению на Лоосе. "Восточная" стратегия, которая поглотила более миллиона британских солдат, была еще одним источником утечки ресурсов, необходимых для решающей победы. Такая победа могла быть выиграна только там, где в конечном счете она была выиграна, - нанесением поражения немецкой армии на Западном фронте - факт, который Ллойд Джордж и его соратники отказывались принимать.

8. Развитие траншейной системы завело в дорогостоящий тупик на три с половиной года. Эта система на Западном фронте возникла почти спонтанно и, конечно же, не как часть преднамеренной политики или намерения генералов. Но в результате все армии - британские, французские и немецкие - должны были воевать в таких условиях, когда офицеры и солдаты испытывали недостаток как в оборудовании, так и в опыте.

9. Старая британская регулярная армия - которую ее оппонент генерал фон Мольтке называл "совершенно обособленной вещью" - была уничтожена в 1914-1915 годах.^[72] После этого у Великобритании осталась непрофессиональная, плохо обученная армия - не осталось никого, кто мог бы должным образом ее обучить, а "обучение на службе" стоило слишком дорого (в смысле потерь) и требовало времени. Было ошибкой отказаться от создания новой армии на базе территориальных войск - они по крайней мере имели структуру, которую можно было использовать для формирования профессиональной армии. Эта ошибка была допущена лордом Китченером, получившим полное одобрение британского кабинета.

В то же время полковник Тэрри Кейв из Ассоциации Западного фронта указывает, что Китченер имел и ряд объективных причин, чтобы отказаться от территориальной системы:

"Не считая того, что он ненавидел частично занятых, или "солдат выходного дня", - как он их называл, Китченер должен был знать, что "территориалы" предназначены для защиты метрополии. Они могли быть посланы за границу только с личного согласия, и Китченер не имел возможности оценить, сколько из них такое согласие дадут - тем более что первые призывы к добровольцам столкнулись с довольно разнородным приемом. Территориальные части находились под командованием ассоциаций их графств, которые часто стремились сохранять за собой такой контроль. В результате "территориалы" могли (и часто пользовались этим правом) уходить в увольнение, когда время службы заканчивалось - даже если в этот момент они находились на фронте. Китченер чувствовал, что территориальная система не сможет справиться с огромным увеличением армии, которое он планировал (до 70 дивизий), она не подходит для самой армии, и потребуется несколько месяцев на ее преобразование"

письмо автору, 1998 год

10. "Кривая обучения" для британских и французских генералов оставалась довольно ровной и только начала резко повышаться во время сражений на Сомме в 1916 году. Отчасти это объясняется факторами, описанными выше, - нехватка оборудования и личного состава, особенно хорошо обученных солдат, - но также возможно, что генералы Антанты просто слишком стары. В 1917-1918 годах Хейг и Фош постоянно убеждали Першинга назначить молодых на командные посты в

американской армии, так как особенность ситуации и суровость этого нового Западного фронта быстро изнашивали пожилых.

Это был хороший совет, но в 1914–1915 годах англичане и французы должны были использовать тот материал, который был в наличии, - офицеров, у которых был некоторый боевой опыт, а также опыт административной службы и техническая подготовка. Только уже во время войны, когда численность армии увеличилась, появилась возможность использовать более молодых людей для замещения командных постов. Тем не менее поведение Хейга во время боевых действий в 1915 году ясно дает понять, что генералы и солдаты постоянно учились на своих ошибках и развивали новую тактику, применимую к изменяющейся ситуации. Так же, увы, как и немцы.

Эти десять пунктов охватывают только некоторые из факторов, которые мешали генералам Великой войны. С некоторыми удалось справиться, другие исчезли с изменением самой сути современной войны, но осталось слово, которое часто появляется в вышеприведенных пунктах, - время. Требовалось время для того, чтобы исправить все эти ошибки, и британские войска несли потери в течение этого периода, но со временем - в 1918 году, если точнее, - все стало на свои места. Британские войска, которые воевали на Западном фронте с июня по ноябрь 1918 года, были превосходны - как и их командующие.

Имеют место и некоторые другие незначительные обвинения. В британской армии конница, конечно, преобладала - факт, подтвержденный тем, что случалось с танками и кавалерийскими корпусами после окончания войны. Тогда стало популярным в кавалерийских кругах говорить, что позиционная война приобретает всеобщий масштаб, начиная с того момента, как с появлением бронестрелковых снарядов танки стали уязвимы. Это идея имела вредный результат после войны: в то время как число полков конницы упало от 31 до 22, число танковых батальонов упало от 25 до 2. В 1925 году, через семь лет после окончания войны, фельдмаршал граф Хейг отмечал: "Некоторые энтузиасты... прогнозируют, что самолет, танк и автомобиль заменят лошадь в будущих войнах. Я целиком за танки и самолеты, но они - только приложение к человеку и лошади". Я должен, однако, заметить, что это было адресовано восторженной аудитории в Кавалерийском клубе и что Хейг, возможно, решил потрогать слушателей. Все же до 1936 года, уже после смерти Хейга, британская армия тратила 400 000 фунтов стерлингов в год на фураж для лошадей и только 121 000 фунтов - на топливо. Старый полк Хейга - 7-й гусарский - отказался от лошадей в пользу танка Марк VI "Виккерс" только в 1937 году, когда он был переброшен в Египет.

Разрушила ли эта книга укоренившееся мнение о том, что все генералы были некомпетентны, грубы и безразличны к человеческим потерям? Ведь существуют лишь отрывочные свидетельства в пользу этого обвинения и множество примеров, когда генералы прилагали все возможные усилия в заботе о своих людях, как они стремились к минимизации потерь и особенно принимали меры к лечению и эвакуации раненых. Тезис, что они были безразличны к страданиям своих людей, постоянно опровергается фактами и выдерживает испытание временем только потому, что некоторые комментаторы стремятся увековечить миф о том, что эти генералы, представлявшие высшие слои общества, не интересовались тем, что происходит с "низшими". Фактически, как мы видели, некомпетентные генералы, которые бросали своих людей в плохо подготовленные прорывы, не получали немедленную отставку, а часто еще долго оставались на командных постах.

Человек, которого наиболее часто обвиняют сегодня в некомпетентности и грубости, фельдмаршал Хейг, - также наиболее часто упоминаемый в мемуарах и книгах того времени полководец, которым особенно восхищались солдаты. Прошедший две мировые войны Чарльз Каррингтон пишет, что "Над командирами корпусов, которых мы [Каррингтон во время Великой войны служил в пехоте младшим офицером] осуждали без достаточных оснований, и среди командующих армий, о которых мы не знали ничего, был главнокомандующий. Я хочу занести это в свой отчет, что никогда во время войны я не слышал такой критики в адрес сэра Дугласа Хейга, как теперь... Ему доверяли, и это должно положить конец обсуждению".

А что произошло дальше с генералами, описываемыми в этой книге? Какое справедливое суждение можно сделать об их деятельности и что случилось с ними после окончания войны? Краткий обзор их последующей карьеры будет здесь очень к месту.

Фельдмаршал лорд Китченер не дождался конца, и ему суждено было найти свой покой на морском дне. В 1914 году он был уже глубоким стариком и сумел еще два года руководить Военным министерством, прежде чем смерть настигла его. Но Китченер хорошо послужил своей стране во время Великой войны. Он видел, что эта война будет долгой и потребует миллионной армии, и он предпринял немедленные шаги, чтобы создать таковую. Было бы лучше, если бы он использовал

существующую структуру Территориальной армии как основу для новых вооруженных сил, но никто еще не мог надеяться на столь значительное количество добровольцев, а причины реформирования Территориальной армии уже носились в воздухе. Ему нужно было согласиться с первенством сэра Джона Френча, чтобы удержать БЭС на линии Марны в 1914 году, и сопротивляться требованиям французов о немедленной отправке новых пополнений на фронт на том основании, что посылать наполовину обученных людей в наступление "было сродни убийству". То, что генералы были заинтересованы в своих солдатах только как в пушечном мясе, - другой миф Великой войны.

Война для фельдмаршала сэра Джона Френча не заладилась с самого начала. И из-за его самомнения и придирок британская армия потеряла блестящего полководца - генерала Смит-Дорриена. Его непостоянство, его манера воспринимать мнение лишь последнего человека, с которым он разговаривал, нехватка полномочий в руководстве своими войсками и его готовность фальсифицировать свои отчеты, лишь бы выставить себя в благоприятном свете, - все выступает против него. Он был не тем человеком, который мог командовать БЭС в 1914 году, и от него поспешили избавиться после разгрома при Лоосе в 1915 году. Несмотря на все это, он был осыпан почестями: стал рыцарем ордена Святого Патрика, получил орден "За заслуги", получил 50 000 фунтов от "благодарного отечества" и в конечном счете титул графа (виконта ему дали еще в 1916 году). Он умер в 1925, и его бюст был установлен в церкви Святого Георгия в Ипре - городе, который его армия защищала так долго и так успешно, да и титул он получил соответствующий - граф Ипрский.

Генерал сэр Орас Смит-Дорриен после своего увольнения с поста командующего 2-й армией принял командование войсками в Восточной Африке, но вскоре заболел и был вынужден вернуться в Англию - на этом его военная карьера завершилась. Смит-Дорриен был выдающимся, генералом и на корпусном, и на армейском уровне, и поскольку он имел старшинство в звании по сравнению с Хейгом, то более чем вероятно, что, если бы его не отозвали, он принял бы командование БЭС после отъезда Френча. Можно только догадываться, как он бы справился с этой ролью. Смит-Дорриен умер от ран, полученных в автокатастрофе в 1930 году.

Генерал сэр Уильям Робертсон после отставки с поста начальника Имперского Генерального штаба возглавил Восточное командование. Затем он сменил сэра Джона Френча во главе войск метрополии, а после войны командовал оккупационными британскими войсками в Германии. Служба Робертсона была оценена титулом барона, 10 000 фунтов и чином фельдмаршала. Трудно представить себе кого-нибудь, кто бы лучше исполнял свои обязанности, чем начальник Имперского Генштаба Робертсон. Его смелая поддержка Хейга и "западников", несмотря на давление Ллойд Джорджа, заслуживает уважения. Он умер в 1933 году и запомнился как один из наиболее популярных офицеров британской армии. Кроме генерала сэра Уильяма Слима (позднее фельдмаршала виконта Слима) во время Второй мировой войны он был единственным в британской армии рядовым, дослужившимся до фельдмаршала.

Генерал сэр Генри Вильсон был застрелен в 1922 году на пороге своего дома в Лондоне двумя террористами из ИРА. После войны получил звание фельдмаршала, 10 000 фунтов стерлингов и титул барона. Незадолго до смерти он вышел в отставку; его убийцы были пойманы, осуждены и повешены. Репутация Вильсона со временем не улучшилась. Он был неисправимый интриган, и многое из его довольно большого военного таланта принесло "вред", как он сам это свободно признавал. Генри Вильсон был интеллектуалом, но его карьеру погубила его страсть к интриге и его безосновательная любовь к Франции, которая причиняла проблемы его соплеменникам из числа британских офицеров - людям, которых он должен был поддерживать. Так или иначе, очевидная легкость характера Вильсона не дала ему возможности принести слишком уж большой вред. Все находили его забавным, но никто не доверял ему. Он продолжал увлекаться политикой и после отставки, а его вмешательство в ирландские дела стало причиной его смерти.

Возможно, генерала сэра Генри Роулинсона справедливо называют одним из величайших солдат Великой войны (хотя потери 1 июля 1916 года всегда будут ему немым укором). Он сделал карьеру исключительно благодаря своим способностям: его первый командир во Франции сэр Джон Френч его не любил, и второй - сэр Дуглас Хейг - не доверял. Роулинсон был хорошим солдатом на любом посту: от командира дивизии до командующего армией, и на каждом посту справлялся со своими обязанностями. Конечно, он был коварен, но был и здравомыслящ. Он обладал хорошим чувством юмора и был решительным поклонником и сторонником Дугласа Хейга. Правда, лишь к концу войны они смогли наладить отношения и стать хорошими друзьями.

После войны Роулинсон получил 30 000 фунтов и титул барона Роулинсона Трентского. В 1919 году он уехал в Россию в составе Мурманской экспедиции для того, чтобы помочь белым в борьбе против большевиков, но несколькими месяцами позже возвратился в Англию, чтобы принять командование Одешотом, а затем занять последний пост в своей военной карьере - главнокомандующего в Индии. Однако он недолго наслаждался своей властью и скоропостижно скончался в 1925 году после хирургической операции.

Генерал сэр Герберт Плюмер в последние месяцы войны привел свою любимую 2-ю армию в Германию, где и возглавил оккупационные войска. В 1919 году в качестве награды он был сделан фельдмаршалом и бароном, а позже - виконтом Плюмером Мессинским (в честь его наиболее известной победы). Несмотря на его невпечатляющую внешность, Плюмер был выдающимся генералом, человеком, который внушал доверие своим коллегам (и начальникам, и подчиненным), он был командиром, всегда заботившимся о своих людях. Его руководство наступлением на Мессину и более поздними боями у Пасшендэля было выдающимся, и исход 3-го Ипрского сражения мог бы быть совсем иным, если бы Плюмер принял командование армией до его начала. Он получил 30 000 фунтов и в 1919 году стал губернатором и главнокомандующим на Мальте, а в период 1925–1928 годов был верховным комиссаром в Палестине. Это был нелегкий пост, но Плюмер, несмотря на тяжелую политическую ситуацию, руководил с твердостью, сочувствием, тактом и заметным отсутствием предубеждения. Он умер в 1932 году и был погребен в Вестминстерском аббатстве.

Другой превосходный командующий - генерал сэр Джулиан Бинг. Он принял участие в нескольких тяжелых кампаниях, и его действия были отмечены большим успехом. Но Бинг имел в своем послужном списке по крайней мере один провал - у Камбре, - который мог бы поставить крест на его карьере. Самый большой триумф Бинга - планирование и выполнение наступления у Вими в 1917 году, хотя он почти так же хорошо справился и с командованием 3-й армией во время мартовского отступления 1918 года и последующих сражений. Он не придавал значения ни своим успехам, ни своим неудачам, постоянно сосредоточивая внимание на следующем сражении. Во многом удача способствовала ему и благодаря опыту командования превосходным Канадским корпусом. После войны он получил 30 000 фунтов, титул барона (а еще позже - виконта Бинга Вими). Между 1921 и 1926 годами он был чрезвычайно популярным генерал-губернатором Канады, причем категорически противился объединению Канадского корпуса с британскими вооруженными силами. В 1932 году он стал фельдмаршалом и в 1935 году умер.

Генерал сэр Эдмунд Алленби сделал себе имя в Палестине в 1917–1918 годах, сражаясь против турок. Он захватил Иерусалим и затем Дамаск и между этими операциями успел принять участие в сражении при Мегиддо (сентябрь 1918 года), которое стало сокрушительной победой союзников и вывело Турцию из войны. Он стал покровителем и сторонником Лоуренса Аравийского, и в этой кампании показал себя умелым командующим объединенными силами Англии, доминионов и Индии, а также арабских нерегулярных отрядов. В качестве награды за его победы он был произведен в фельдмаршалы, сделан виконтом Алленби Мегиддским и получил 50 000 фунтов стерлингов. После войны он остался в Египте до 1925 года в качестве верховного комиссара. При нем был положен конец британскому протекторату и Египет восстановлен как независимое королевство. Алленби умер в 1936 году. Многие называют его лучшим генералом Великой войны, хотя было и много тех, кто служил под его командованием во Франции и имеет противоположное мнение. Генерал сэр Арчибальд Уэйвелл (позднее фельдмаршал граф Уэйвелл), который командовал британскими войсками в Западной пустыне (как главнокомандующий на Ближнем Востоке) во Вторую мировую войну, а затем был главнокомандующим в Индии и вице-королем, называл Алленби, с которым служил в Палестине, своим героем. Алленби, кажется, ничего особенно не сделал на Западном фронте, но к нему успех пришел позже, и он занял видное место в мемориале британской военной истории.

Генерал сэр Генри Горн, храбрый солдат, командовавший 1-й армией в 1916–1918 годах, исчез со сцены, не оставив после себя ни мемуаров, ни личного архива, ни дневников. Он стал "неизвестным генералом" Великой войны, но есть основания полагать, что хорошим генералом. Он получил титул барона и 30 000 фунтов и был главнокомандующим Восточного командования в 1919–1923 годах. В 1926 году он вышел в отставку и через три года умер.

Генерал сэр Губерт Гоф пережил своих критиков - он умер в 1963 году в возрасте девяносто трех лет. Ллойд Джордж отказался представить его к награде, что стало причиной его отставки с поста командующего 5-й армией. И хотя он после войны был направлен с миссией на Кавказ и Балтику, его военная карьера фактически завершилась в 1918 году. В качестве компенсации он в 1919 году

получил Большой крест ордена Святого Михаила и Святого Георгия (в придачу к полученному в 1916 году командорскому кресту ордена Бани и в 1917 - командорскому кресту ордена Виктории). Гофф оставил службу в 1922 году и занялся бизнесом, сначала сельским хозяйством, а затем стал партнером в процветающем акционерном обществе. Он был среди тех, кто нес гроб Хейга в 1928 году, а в 1937 году в день рождения Его Величества был награжден Большим крестом ордена Бани - вознаграждение, которое он принял, правда, как запоздалое признание его заслуг в командовании 5-й армией в 1918 году. Во время Второй мировой войны Гофф командовал соединением Национальной гвардии в Лондоне и посвятил последние годы своей жизни решительной защите собственной репутации, написав два исследования, посвященных кампаниям, в которых он принимал участие во время Великой войны, а также том мемуаров. История имеет тенденцию резко изменять представления, и это подтверждается относительно Губерта Гофа: надо признать, что перед ним в 1918 году стояла практически невыполнимая задача, и он сделал все, что сделал бы на его месте любой другой. Даже Ллойд Джордж признал это в своих мемуарах, изданных в 1930-х годах.

Бидвуд был последним из британских офицеров, рассматриваемых в этой книге, который оставил свой любимый Австралийский корпус, чтобы возглавить в мае 1918 года 5-ю армию. Ему были пожалованы титул барона и 10 000 фунтов. В 1920 году он совершил поездку по Австралии и Новой Зеландии, встречая восторженный прием от прежних сослуживцев везде, где он ни появлялся. Позже в том же году он приплыл в Индию, чтобы принять Северное командование - пост, на котором он пробыл до 1924 года. В 1925 году Бидвуд был произведен в фельдмаршалы и вернулся в Индию уже главнокомандующим - им он оставался до своей отставки в 1930 году. Король Георг V попытался назначить его генерал-губернатором Австралии, но премьер-министр лейборист Джеймс Скэллион сказал ему, что пришло время назначить на этот пост Верховного судью Австралии сэра Айзека Джейкобса. Тогда Бидвуду предложили пост мастера Петерхузского колледжа в Кембридже (им он являлся до 1938 года). Он вошел в Палату лордов как барон Бидвуд Анзакский и Тотнесский, а после смерти "Вулли" Робертсона стал полковником Королевской конной гвардии ("Синих"), служил в Национальной гвардии во время Второй мировой войны и умер в 1951 году.

Карьера Бидвуда во время Великой войны опровергает - так же как и карьера Бинга - тех, кто утверждает, что войска доминионов обижались на необходимость служить под британскими офицерами. Лучшей характеристикой его отношения к австралийцам служит восторженный прием, оказанный ему во время визита в Австралию. Такого бы не случилось, будь он некомпетентным или черствым. Он руководил австралийцами почти во всех крупных сражениях - на Галлиполи, на Сомме и при Бюллекуре, - и его взаимоотношения с подчиненными были лучшими, какие могут быть между генералом и солдатами.

С почестями вернулся после войны в Канаду генерал-лейтенант сэр Артур Карри. Он попытался вернуться к гражданской службе, но вражда прежнего военного министра Канады генерал-лейтенанта сэра Сэма Хьюза, который был уволен в 1916 году, преследовала его всю оставшуюся жизнь. После отставки в 1920 году (за год до этого он был произведен в полные генералы) Карри стал ректором и вице-канцлером университета Мак-Джилла в Монреале - пост, на котором он оставался до своей смерти. Карри был хорошим вице-канцлером, уважаемым в университете и в обществе, и был личным другом генерал-губернатора (1921–1926) Джулиана Бинга. Однако споры о его роли в войне время от времени возобновлялись.

Хотя Карри всегда заботился о своих людях, предполагалось, что у него для выполнения трудных заданий в 1917–1918 годах было в избытке добровольцев, и Хьюз - его ожесточенный враг - часто обвинял Карри в преднамеренном принесении в жертву своих солдат ради личной славы. Хьюз был членом парламента и неизменно использовал имевшиеся у него привилегии при распространении этой клеветы. Он умер в 1921 году, но спустя семь лет газета Онтарио повторила его обвинения, и Карри подал на нее в суд. Суд продолжался две недели, в течение которых защита представила факты о его довоенных растратах государственных средств, но Карри выиграл дело. Такое напряжение сказалось на его здоровье, и он умер в 1933 году в возрасте пятидесяти семи лет.

Генерал сэр Артур Карри был, возможно, лучшим командиром корпуса за время войны, человеком, который планировал свои операции с большой осторожностью, а после сражения тратил время, чтобы проанализировать ситуацию и понять, что было сделано неправильно. Абсолютно верно утверждение, что успешные генералы также должны быть удачливы, а у Карри было больше, чем просто удача. Он не командовал армией, поэтому его способности более высокого уровня командования остались непроверенными. Хотя миф, что он должен был в 1919 году возглавить БЭС,

всплывает время от времени и сегодня, но эта история не имеет под собой основы, за исключением слов Дэвида Ллойд Джорджа, сказанных им в мемуарах.

Карри также повезло служить и затем командовать превосходным Канадским корпусом - формированием, которое на протяжении всей войны оставалось мощной силой и не страдало от постоянного разбрасывания и замены дивизий, что так мешало британским корпусам. Ему повезло с непосредственными начальниками, британскими генералами Олдерсоном и Бингом, людьми, которые восхищались Карри и отстаивали его интересы. Он обладал силой воли, чтобы использовать представившийся ему шанс, но его самая сильная сторона - его врожденная солдатская хватка, то, что есть не у многих, то, чему нельзя научиться. Этим качеством Артур Карри, несмотря на отсутствие специальной военной подготовки и несолдатскую внешность, обладал в большой мере.

После перемирия генерал-лейтенант сэр Джон Монаш занял пост генерального директора Австралии по делам репатриаций и демобилизации в Лондоне. Ответственный за отправку своих солдат домой, он не возвращался в Австралию вплоть до декабря 1919 года. Вернувшись же, он столкнулся с личной трагедией: у его жены обнаружили рак. Пока он был за границей, она скрывала этот факт, зная, что у него и без этого достаточно проблем во Франции. К тому моменту как муж приехал домой, она была уже тяжело больна и вскоре умерла. Монаш вышел в отставку в 1930 году в чине полного генерала, стал вице-канцлером Мельбурнского университета и умер в 1931 году. В его честь назван основанный в 1958 году близ Мельбурна университет Монаша. Сегодня Монаш называется большинством австралийцев и многими другими историками лучшим генералом Великой войны.

Подобно Карри, Монаш был превосходным солдатом. Подобно Карри, кандидатура Монаша обсуждалась на пост командующего британской армией во Франции и, подобно Карри, его репутация подверглась нападкам военных историков. История о том, что Монаш или Карри могли стать главнокомандующими, прослеживается у Ллойд Джорджа, который, согласно биографии Педерсона, использовал репутацию Монаша для "битвы Хейга". Этот миф рос, и он даже утверждал, что Монаш прибыл "на фронт, чтобы занять пост генералиссимуса союзнических сил во Франции, который перешел к генералу Фоку" (генерал-майор сэр Кингсли Норрис, указанный у Педерсона в "Джоне Монаше"), что кажется полной фантазией.

Монаш был хорошим солдатом, но самый высокий пост, который он занимал, - пост командира корпуса. Как бы он руководил армией, не говоря уже о фронте в пять британских армий, остается вопросом. Это - удачливый генерал, чья карьера достигла максимума на посту командира корпуса, когда его способности были в расцвете и его недостатки минимизированы. Многие прекрасные генерал-майоры оказывались не в состоянии командовать более крупными соединениями. Монашу повезло не спеша изучить свое дело и принять командование Австралийским корпусом, когда военное счастье изменилось в пользу союзников. Ему также повезло командовать прекрасным корпусом, но все это уже было сказано, он был хороший, эффективный и умный офицер и блестящий тактик, солдат, полностью заслуживший то уважение, какое имел у своих начальников и подчиненных.

Предполагалось, что действия Монаша во время штурма линии Гинденбурга в 1918 году были "беспорядочными" и что его участие в той кампании "показало, что он не был безгрешен" (Педерсон, "Командующие"), - но то же можно сказать про многих. Он был также обвинен в высокомерии и амбициях, "что он делал то, что не входило в его прямые обязанности". Но эти обвинения не могут умалить его высокую репутацию и те чувства которые испытывали к Монашу его офицеры и солдаты, а также его союзники.

Многие из генералов после войны написали мемуары (наиболее известным исключением стал фельдмаршал Хейг), но лишь немногие из них достигли уровня книги генерала Джона Першинга "Мой опыт в Мировой войне", которая получила Пулитцеровскую премию в 1932 году и до сих пор периодически переиздается.

Американские армии не сыграли решающей роли в Великой войне, но их присутствие во Франции было необходимо для победы союзников - это была гарантия того, что Германия будет в конечном счете побеждена. Те американские дивизии, которые приняли участие в военных действиях, сражались хорошо, но к тому моменту, когда американцы были готовы бросить в бой крупные силы, война была фактически закончена. Среди причин этой задержки - недостаток подготовленных кадров, оборудования, артиллерии и транспорта для переброски отрядов во Францию - было мнение Першинга, что его люди будут сражаться только как часть американской армии. Это решение, хотя и постоянно порицается французами и британцами, было почти правильным. Многие американские дивизии сражались в составе французских или британских армий, и по крайней мере две из них

остались в 4-й британской армии до конца войны. Хотя настойчивость Першинга при создании американской армии предохраняла многие из его дивизионов от сражений, создание такой мощной армии было необходимо для заключительного результата... и, возможно, предотвратило участие тысяч американских солдат в бесплодных французских и британских атаках. Першинг не был крупным полководцем, но он прекрасно зарекомендовал себя как главнокомандующий Американскими экспедиционными силами.

После войны Першинг был произведен в генералы армии и стал вторым человеком, когда-либо носившим этот чин, - первым был Джордж Вашингтон. Подавляющим большинством голосов в Конгрессе он был назначен руководителем штаба президента, но президент Вильсон предпочел это назначение проигнорировать. Когда Першинг вернулся домой, он возглавил парады Победы в Нью-Йорке и Вашингтоне и затем объехал с выступлениями всю страну. Он также сыграл ведущую роль в основании Американского Легиона для ветеранов, а на президентских выборах 1920 года оказался вовлеченным в предвыборную гонку, противостоя, Кэлвину Кулиджу и Герберту Гуверу. Сам родом из Небраски, Першинг прошел первичные выборы в его штате на "ура". Его появление на политической сцене спровоцировало целый ряд утверждений со стороны его противников о том, что он никогда не был на поле сражения во Франции и что он "систематически устранял любого офицера, который давал ему оценку или обсуждал его способности" (Richard Goldhurst, *"Pipeclay and Drill"*). В любом случае, при подсчете голосов Першинг занял последнее место и отказался от дальнейшей борьбы.

Президентом стал республиканец Уоррен Гардинг. В июле 1921 года он назначил Першинга начальником своего штаба. Этот пост Першинг занимал до своей отставки в 1924 году. Оставив службу, он стал директором Комиссии по охране военных памятников и проводил по несколько месяцев в году во Франции, организуя строительство американских кладбищ и контролируя строительство американских военных мемориалов в Арагоне и других местах, где в Первую мировую войну погибли его соплеменники. Он также использовал свое влияние, чтобы оказать протекцию своим бывшим офицерам: полковнику Джорджу К. Маршаллу, который во время Второй мировой войны стал начальником штаба Армии США, а после этого госсекретарем и автором знаменитого Плана Маршалла. В 1941 году здоровье Першинга начало ухудшаться, и он лег в госпиталь Уолтера Рида в Вашингтоне, где провел последние семь лет своей жизни, большинство из которых посвятил изучению хода военных действий Второй мировой войны по картам, развешенным по стенам его комнаты.

"Черный Джек" Першинг умер во сне в июле 1949 года в возрасте 88 лет. Он был похоронен на Арлингтонском национальном кладбище (штат Вирджиния) рядом с могилами своих сослуживцев по Американским экспедиционным силам. Его сын, отказавшись воспользоваться протекцией отца, в 1941 году поступил в американскую армию рядовым и закончил войну уже будучи майором. Внук генерала - 2-й лейтенант Ричард Першинг - был убит во Вьетнаме в феврале 1968. Его могила находится рядом с могилой деда на Арлингтонском кладбище.

Маршал Жоффри, человек, который в 1914 году спас Францию и, таким образом, Европу, сошел со сцены после своей отставки в декабре 1916. Ему выделили офис в помещении Военной школы, но он туда заезжал редко и, как известно, после завтрака уже к работе не возвращался. Когда он во время парада Победы в 1919 году приехал в Париж, лишь немногие среди тысяч толпившихся на улицах знали, кто он такой. Он не выказал никакого интереса к изучению опыта Великой войны после ее окончания. Он отказался обсуждать свои сражения, хотя подготовил пухлый том мемуаров, который вышел в 1932 году. К тому времени Жоффри уже год как был в могиле.

Маршал Фош остался во главе французской армии и после окончания войны и был осыпан наградами и почестями, получив среди прочего и чин фельдмаршала британской армии и собственную статую за "Виктория-стейшн" в Лондоне. Он умер в 1929 году в возрасте 79 лет. На его похороны в Париж съехались военные и политики со всего мира, огромная толпа загроудила улицы, чтобы попрощаться с маршалом; двумя годами позже появились на прилавках его мемуары. Протеже Фоша генерал Вейган, возглавивший после него высшее командование, в качестве главнокомандующего союзными армиями во Франции сумел проиграть первые битвы Второй мировой войны и стать свидетелем капитуляции в июне 1940 года.

Жизнь маршала Петэна закончилась трагически. После поражения Франции в 1940 он встал во главе страны и выбрал путь сотрудничества с завоевателями. Режим Петэна, обосновавшегося в курортном городке Виши, перенял многое из политики нацистской Германии, особенно в области преследования евреев, и не пользовался поддержкой большей части французов. Петэна вывезли в Германию в 1945,

а по возвращении во Францию в 1946 году предали суду. Признанный виновным в государственной измене, он был приговорен к смерти, но никто не захотел взять на себя ответственность за казнь героя Вердена. Приговор был изменен, но оставшуюся часть жизни маршал провел в тюрьме Иль-де-Ю близ Вандейского побережья на западе Франции. Он был освобожден в 1951 году и умер месяцем позже, в возрасте 95 лет. Его имя было вычеркнуто из списка Верденского мемориала и, несмотря на редкие попытки, так и не было восстановлено.

Генерал-полковник фон Мольтке, начальник германского Генерального штаба, не надолго пережил свою отставку в сентябре 1914 года. Крах плана Шлиффена и разгром на Марне стали для него катастрофой и как для солдата, и как для человека. Очевидцы рассказывают, что видели его сидящим перед картой в ОНЛ "полностью разбитым, бледным и патетическим". Мольтке уничтожил надежду Германии на победу в войне, когда "подредактировал" план Шлиффена и позволил Клуку перебросить его армию севернее Парижа. По правде говоря, он был бледной тенью своего могущественного дяди, и есть сомнения относительно того, зависело ли от него вообще что-нибудь на этой войне. Странно, но Мольтке должен был первым обнаружить ошибку своих действий и неизбежность поражения, которое последовало. Он ушел в отставку, поселился в своем поместье и умер в 1916 году в возрасте 68 лет.

Генерал фон Фалькенгайн прожил до 1922 года, но никогда не оправился от напряжения сражений, в которых он участвовал на Сомме и под Верденом. Когда он оставил высшее командование в 1916 году, коллеги отмечали, что его волосы стали полностью седыми. Кайзер предложил ему пост посла в Блистательной Порте, но он предпочел возглавить 9-ю армию в Румынии и успешно осуществил несколько наступлений в 1917 и 1918 годах. Он оставил армию после перемирия и провел последние годы своей жизни, читая лекции по военной стратегии в Берлинском университете.

Генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург остался очень влиятельной фигурой в немецкой политике и после окончания войны. Хотя Людендорф оставил свой пост еще до окончания войны, Гинденбург оставался во главе германской армии до конца Парижской мирной конференции в 1919 году и подписания Версальского мира. В 1925 году он выдвинул свою кандидатуру на выборах президента Веймарской республики и был избран. Но одно дело - победить на выборах, а возглавить молодое демократическое государство, обремененное репарациями и в условиях надвигающегося мирового кризиса, - совсем другое. В 1933 году Гинденбург открыл путь к власти человеку, ставшему затем его преемником, назначив бывшего немецкого капрала Адольфа Гитлера на пост канцлера Германии. Гинденбург умер годом позже в возрасте 87 лет еще до того, как можно было увидеть результаты его ошибки. Можно сказать в защиту Гинденбурга, что его влияние в Германии было настолько велико, что Гитлер и нацизм легко могли процветать и после смерти старого фельдмаршала.

Эрих Людендорф оставил службу незадолго до конца войны - он вышел в отставку 26 октября 1918 года, находясь на грани нервного срыва. В 1920-х годах он стал активно участвовать в политике, выступив в качестве кандидата нацистской партии на выборах 1924 года. В рейхстаге Людендорф оставался до 1928 года. В течение этого периода он познакомился с Адольфом Гитлером и вскоре осознал его цену, сообщив Гинденбургу в 1933 году: "Этот проклятый человек ввергнет нашу страну в пропасть". Это говорит о резком изменении настроения Людендорфа - ведь в 1923 году он принял участие в неудавшемся путче, организованном Гитлером и нацистами в Мюнхене. (На суде, где Гитлера и его поделщиков приговорили к различным срокам заключения, Людендорф был оправдан.) Уйдя из политики, он умер в 1937 году, когда общий баланс был явно не в его пользу. Людендорф и его жена стали фанатичными последователями языческого культа поклонения древним богам; кроме того, обремененный огромными военными долгами Германии, генерал выплатил большую сумму денег мошеннику за "волшебную коробочку", что предположительно вызвало резкий виток инфляции. Возможно, военный опыт помог Людендорфу избавиться от своего здравомыслия, но, как бы то ни было, это был грустный конец одного из самых блестящих полководцев Великой войны.

И, наконец, мы подошли к фельдмаршалу сэру Дугласу Хейгу, человеку, вокруг которого постоянно вращались многие споры об этой войне. Нужно признать, что даже теперь, после двух лет детального изучения генералов этой войны, Хейг остается такой же загадкой для автора этой книги, как и для многих других.

Возможно, это частично следствие того, что спустя десять лет после войны или по крайней мере начиная с того момента, как в 1930-х годах вышло шесть томов мемуаров Ллойд Джорджа, репутация Хейга сильно пошатнулась. Когда обвинение постоянно повторяется, ему начинают верить и любое

свидетельство в его пользу кажется ложным. Многие до сих пор ненавидят Дугласа Хейга - даже те, кто родился спустя годы после его смерти, - обвиняя его в провалах Великой войны и гибели их предков. Они пишут оскорбительные письма в газеты и авторам, чей взгляд не совпадает с их собственным. Через 70 лет после своей смерти Хейг - все еще противоречивая фигура.

Обвинения в некомпетентности и грубости в адрес Хейга могут быть опровергнуты так же легко, как и в адрес любого другого генерала, или по той причине, что они - полностью безосновательны, или потому, что действия, которые вменяются в вину, были полностью оправданы сложившейся ситуацией. Конечно, Хейг совершал ошибки, но он также выиграл войну. Каждый имеет право на ошибку, когда ее совершает командующий - гибнут люди. Но солдаты гибнут и в больших количествах, когда генерал не делает никаких ошибок вообще. Лучший способ спасти человеческие жизни - вообще не воевать.

Хейг был главнокомандующим британских армий во Франции большую часть войны, и большинство людей - англичан и жителей доминионов, погибших на Западном фронте, - были убиты под его командованием. Но не нужно понимать это так, что их гибель была его ошибкой. Все проблемы, присущие этой армии, наиболее тяжело сказывались на Дугласе Хейге, и их вес был огромен. Никакой другой британский генерал не мог бы противостоять этому давлению, и большинство знало об этом. Если оценивать Хейга по тем же самым стандартам, что и других командующих, он должен быть оправдан в обоих случаях просто потому, что люди, которыми он командовал, не осудят его, и факты не доказывают обвинения. "Хейг не был хладнокровным мясником, как принято его изображать, - пишет канадский историк Дэниел Дэнкок в своей книге "Наследство доблести". - Конечно, он был предан своим солдатам".

Враги Хейга прочесывают материалы того времени - дневники, мемуары, статьи, письма, - чтобы найти свидетельства против него, тщательно игнорируя те, что не подтверждают их точку зрения. Дэнкок связывает два инцидента, которые показывают другой аспект его, по общему признанию, строгого характера. Когда художник Уильям Орпен прибыл в 1917 году в Главную квартиру, чтобы написать портрет Хейга, ему сказали: "Иди и рисуй солдат. Они - те, кто спасает мир и кого убивают каждый день". И еще, после войны, когда его поздравляли с победой, он сказал: "Вы не должны поздравлять меня, - и добавил, указывая на приближающегося солдата: - Такие парни, как он, заслуживают поздравления".

Имеется множество других свидетельств, чтобы опровергнуть старую ложь, не последним из которых является тот факт, что большие толпы вышли на улицы, чтобы приветствовать Хейга и его генералов, когда они возвратились в Лондон в декабре 1918, и что в 1920 году британская общественность собрала достаточно денег для Хейга, чтобы купить и восстановить его семейное поместье в Бемерсайде на Туиде. Утверждения о том, что он был черств и не заботился о своих солдатах, опровергаются его популярностью - свидетельством, которое многие историки предпочитают игнорировать.

Не был Хейг и некомпетентным солдатом. Он постоянно искал что-то новое, менял тактику, чтобы справиться с проблемами, с которыми сталкивался в предыдущих сражениях, и был среди первых, кто увидел преимущества самолетов и танков в качестве поддержки пехоты. Более того, он был также буквально незаменим, что с неохотой признает даже его злейший враг Ллойд Джордж. Если бы премьер-министр мог найти кого-то получше для командования британскими армиями во Франции, то главнокомандующий, несомненно, был бы уволен. Но лучше никого не было. Способности Хейга иллюстрировались на протяжении всей книги, и нет необходимости повторяться еще раз.

Самое тяжелое обвинение, которое можно выдвинуть против фельдмаршала сэра Дугласа Хейга, - это то, что он слишком долго поддерживал накал атаки и выжимал из них все соки. И это когда любое дальнейшее продвижение могло быть достигнуто только за счет тяжелых потерь. Правда в этом обвинении есть, но ошибка, если это ошибка, кроется не в некомпетентности Хейга, а в его характере. Он не преследовал свою цель слепо или бездумно, но только потому, что он полагал, что если они могли бы выдвинуться и преуспеть, то недели или месяцы усилий - и их потери до некоторой степени будут оправданы. Кроме того, бросать борьбу было не в его характере.

Многие критики Хейга исходят не из особенностей его характера или его способностей, а из определения его личных характеристик. Он был скрытный, молчаливый, во многом типичный шотландец из Лоуланда, но за этим строгим фасадом скрывался большой оптимист. Эти две противоречивые черты его характера, соединившись, сделали из него жесткого и решительного генерала, непреклонность давала ему возможность давить, а оптимизм убеждал его, что результат будет благоприятен, - иногда вопреки очевидному.

Несложно увидеть, почему Хейга не любят даже спустя годы после его смерти. Он не всегда был популярен в обществе, а современные авторы не любят этого. Крупная фигура, вероятно, будет оцениваться сегодня на основе ее популярности, а не ее компетентности. Хейг не интересовался общественной или светской жизнью. Он делал свою работу и делал ее на пределе своих возможностей. Этого, конечно, достаточно для его солдат. Может быть, они и не любили Хейга, но доверяли ему. Немногие солдаты любят своих генералы; все, что им нужно, - это, чтобы он был компетентен и осторожен в обращении с их жизнями, и солдаты, которыми командовал Хейг, думали, что он прав в обоих отношениях.

Ллойд Джордж, который оставался премьер-министром до развала коалиционного правительства в 1922 году, продолжал унижать Хейга даже после окончания войны, когда его собственные неприятности перестали быть актуальны. Но если первый гвоздь в крышку гроба репутации Хейга вбили мемуары Ллойд Джорджа, то попытки умалить или дискредитировать прежнего главнокомандующего начались намного раньше. Хейгу, когда закончилась его военная карьера, не предложили никакого высокого почетного поста, а это произошло уже в 1919 году - прежде, чем ему дали звание пэра, которое он, конечно, заслужил, - а следующий титул графа он получил только в 1922 году. Парламент также большинством голосов утвердил выплату ему 100 000 фунтов стерлингов за военные заслуги, но Хейг отказался принимать любую награду, пока его солдаты не получат свои пособия и пенсии. Он стал главнокомандующим сил метрополии в 1919 году, но продержался на этом посту только несколько месяцев, а в январе 1920 года его должность просто упразднили.

В 1920 году он воспользовался своим влиянием, чтобы объединить две главных ассоциации бывших военнослужащих в Британский легион. В результате получилось то, что называется Poppy Appeal (хотя долгие годы эта организация была известна как Фонд графа Хейга), которая заботится о ветеранах и их вдовах. Хейг также активно агитировал за создание подобных фондов и ассоциаций в Южной Африке и Канаде. Когда восстановление Бемерсайда было закончено, он переехал туда со своим семейством. Но ему не пришлось долго наслаждаться деревенской жизнью.

В январе 1928 года фельдмаршал граф Хейг Бемерсайдский в возрасте 66 лет внезапно скончался в Лондоне от сердечного приступа. Он удостоился государственных похорон, на которые собрались десятки тысяч его сослуживцев, и более 30 000 ветеранов следовали за гробом к месту упокоения в разрушенном монастыре Дрибургского аббатства на реке Туид. Там, под надгробным камнем простого солдата, лежит фельдмаршал, вдали от полей битвы Франции и многочисленной, молчаливой армии жертв, погибших на Великой войне. Дайте ему лежать в мире и позвольте уважать его память. Дуглас Хейг сослужил этому государству некоторую службу, и он заслуживает более внимательной и более справедливой оценки, чем потомство предоставило ему до настоящего времени.